

АЛЕКСАНДР
КРУПСКИЙ

Хроники
проклятых

Что делать, если просыпаешься в гробу, затопленном в болоте? Выбраться из него! Именно так и поступает главный герой, который, ко всему прочему, еще и ничего не помнит о своём прошлом. Единственное, что его посещает — это сны с образом девушки...

Без памяти прожить ему будет тяжело. Поэтому герою предстоит найти друзей, отправиться на поиски единственного человека, которого он помнит. Смерть, предательство и фальшь будут окружать его со всех сторон. Мельчайшие ошибки прошлого будут напоминать о себе. В конце концов упорство будет вознаграждено, но стоило ли это всех усилий?

Александр Крупский

ХРОНИКИ ПРОКЛЯТЫХ

*Книга посвящается моей семье,
и тем, кто в меня верил и всегда
поддерживал.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 1

Тьма... Она казалась вещественной, осязаемой даже на ощупь. Почему она вокруг меня? Где я? А самое главное, кто я?

Мысли ворочались в голове, словно разбуженный после спячки медведь. Стоп, а что я вообще помню? В памяти только ослепительный свет, странноватые ворота и... Лана. Я помню ее лицо. Кто она была? В душе осталась только пустота, заполненная лишь неясными образами. Кажется, с ней я был счастлив. Наверное, я любил ее. Слишком много допущений.

Тело болело, словно я не двигался уже довольно много времени. С трудом я разжал пальцы, заставил руку подняться и ощупать мое лицо. Короткая стрижка, усы и густая щетина. Что

еще? Кажется, есть шрам возле носа, мешающий полностью открыть один глаз. Но это не причина того, что я ничего не вижу. Нужно попытаться встать.

Приподнявшись, я с глухим стуком ударился во что-то лбом. Спина при этом предательски хрустнула. По всей видимости, я действительно довольно долго провалялся здесь. Знать бы еще, где именно. Я вытянул руку вперед. Так и есть, надо мной непонятная преграда, немного сгибающаяся на уровне живота. Палец пронзила боль. Я отдернул руку и инстинктивно поднес ее ко рту. Не понял, это еще что? Заноза?

Мозг захлестнула волна паники, я попытался двинуть ногами. Так и есть, они связаны на уровне лодыжек. Мои ноги ударились в деревянный свод, который захрустел под их напором. Усилием воли я заставил себя успокоиться. Подбиваем итоги. По всей видимости, я нахожусь в гробу. Весело...

Я дернул ногами в стороны, неведомые пути с треском оборвались. Первый шаг сделан, теперь посмотрим, нет ли ничего со мной. Рукой я провел по телу, но кроме лохмотьев, разваливающихся от прикосновения, я ничего не нашел. Кажется, я действительно пролежал здесь минимум десятилетие. Почему я не умер? Почему это тело не разложилось на составные, оставив на радость стервятникам один симпатичный скелет? Чувствую,

что для ответа на этот вопрос я сначала должен узнать, кто же я сам такой.

Рукой я провел у изголовья, ощутив влагу. Земля снаружи довольно мокрая, именно поэтому она и продавила крышку вниз. По всей видимости, вокруг что-то вроде трясины. Нужно быть осторожнее, чтобы не разрушить свою клетку. Нет у меня особого желания захлестнуться какой-либо жижей. Так, как же мне отсюда выбираться? Почему я еще жив без притока свежего воздуха? Боюсь, этот вопрос из разряда тех же, что и предыдущие.

Я аккуратно перевернулся на живот, стараясь не прикасаться к деревянному своду. Если этот гроб и вправду такой старый, то есть небольшие шансы на успех. Руки скользнули по переднему краю. Дерево гнило, источая неприятный запах. Удар, следующий, снова удар. Боль в костяшках пальцев была смутно знакомой. Кажется, я в прошлом привык к уличным дракам. Видимо, отсюда и шрам на морде взялся.

Наконец, рука провалилась в склизкое НЕЧТО, а кисть резануло какой-то занозой. Сверху снова послышался треск. Нужно быть немного аккуратнее, в который раз себе это уже говорю. Втянув руку назад, я принялся к ней. Если у меня сейчас и нет зрения, то нужно воспользоваться

такими органами чувств, как обоняние. Обычное болото. Да и что я пытался унюхать?

В проделанную дыру начала стекаться жижа. Если я не потороплюсь, то участь моя будет весьма незавидна. Нельзя так, ведь столько вопросов останутся неразрешенными. Расширив отверстие до самых краев моего неожиданного убежища, я, вдохнув в последний раз, резко рванулся вперед. Голова погрузилась в склизкую грязь. Руки немедленно начали молотить в разные стороны, пытаясь оттолкнуться от чего-либо.

Воздух заканчивался, легкие начало немилосердно жечь, когда внезапно я увидел над собой ослепительный свет. Может, я умираю? Голова начала кружиться, тело окончательно потеряло силы. Лана...

Когда я открыл глаза, уже было не так светло. Вечер? Кажется, да, но утверждать не буду. Солнце было где-то за пределами моего взгляда. Над головой склонились ветви дерева. Сам я лежал на холодном берегу трясины. Нужно двигаться, или я окончательно замерзну. Я приподнял голову, посмотрел на свое тело.

Обычный мужик. Правда, голый. Экая невидаль, просто голый мужик на берегу топи, только что выбравшийся из гроба. Смех вырвался из моей груди. Наверное, смеялся я слишком громко, поскольку птицы, спугнутые моим голосом,

стайкой слетели с окружающих деревьев. Боже, до чего же приятно снова слышать свой голос. Я все еще жив...

Я встал на ноги. Высокий, рост примерно футов 6, может больше. Передо мной была гладь, кажущаяся достаточно прочной. Истинную ее природу выдавала только небольшая прогалина впереди, на которой время от времени возникали небольшие пузыри. На этом же месте было и мертвое дерево. Внутри его чернела пустота. Наверное, именно оно и давало мне притоки свежего воздуха, кто ж его знает. Сейчас это не важно, слишком многие вопросы остаются нерешенными.

Я обернулся. Позади меня раскинулся большой лес. Небольшие руины недалеко выдавали расположение старой церквушки. Вот здесь и останемся на ночлег. Я прошел это расстояние на одном дыхании. Шаги были резкими и широкими. По всей видимости, раньше я много путешествовал. Грудь наполнили запахи цветов, зелени и гнили. Жуткое сочетание. Тошнотворное...

Он был уже несколько суток на ногах, поддерживая свои силы только мясом и вином, когда в покое вбежал гонец и низко поклонился.

— Мой господин!

— Докладывай. — махнул рукой правитель.

— Подозрения подтвердились. Атор вместе со своей сворой высадился на нашем побережье.

— Проклятье!

Мужчина быстрыми шагами пересек покои и налил в стакан темно-красную жидкость из позолоченного графина. В ней отразилось его лицо.

Он был уже не молод, лет за 40. Виски покрывала ранняя седина. Лицо с острыми аристократическими чертами было перекошено ненавистью. Он явно не ждал подобного предательства и удара в спину.

— Позови Ферра.

Гонец быстро поклонился и вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь.

Столько лет дружбы, столько совместных моментов печали и радостей были попросту перечерчены. Дружба оказалась фальшью, а в самый ответственный момент все отвернулись. Оставалось лишь одно — всеми доступными методами сохранить мир в оставленном в наследство от отца крае.

В дверь тихо постучали. Не дожидаясь ответа в покои проскользнул молодой парень.

— Отец, ты звал меня?

— Ферр, — правитель приобнял паренька за плечи. — нас предали. Грядет война, которая может быть фатальной для нас. Я беспокоюсь не столько

за собственную шкуру, сколько за жизнь тех, кто нам доверился.

— Что ты предлагаешь? Каков твой приказ?

— Не знаю.

Правитель вновь сделал глоток со стакана. В последнее время это уже ставало дурной привычкой, близкой к алкоголизму. Ферр подошел к зарешеченному окну и посмотрел наружу.

Из бойницы Наследной Башни открывался вид до самого горизонта. Под старым замком раскинулся большой город. Во многих домах горели свечи. Жители знали, что в это время решается их судьба.

— Отец, есть предложение. Объяви амнистию. Пусть преступники выберут сражаться за своего короля, или продолжить гнить в темнице. На Нордгримском тракте в последнее время беснуется множество грабителей. Прикажи повесить на деревьях объявления. Многие согласятся, если ты пообещаешь им свое прощение и приемлемые условия для жизни.

— Ферр, о каких условиях ты говоришь? Представим, что я соглашусь забыть о преступлениях этих людей. Что дальше? Деньги, золото они сами добывают грабежом. Женщины или добровольно отвечают на их ухаживания, или рискуют быть изнасилованными. Что мы можем им предложить из того, что у них нет?

— Землю, отец. Не горячись, я знаю, что еще дедушка отобрал у всех право на свой уголок, подчинив окрестных князей короне. Те законы были необходимыми, я не спорю, но тогда. Сейчас наступили иные времена. Сменилось поколение. Дать землю совершенно не означает дарование власти.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы сформировать отряд?

— Примерно неделя. Мы нанесем им удар, который будет сокрушительным. Все люди, которых мы соберем, ведь привыкли убивать. Это их истинное призвание. Пусть же хоть в этот раз послужат короне.

С этими словами паренек низко поклонился и вышел.

Развалины встретили меня тишиной. А чего я собственно ожидал? Здесь никто не появлялся уже достаточно давно. Старая выцветшая лавочка у рухнувших ворот явно видела времена и получше. Сейчас она еще стояла, но сесть на нее я бы не решился. Колодец во дворе удивил меня блеском воды вдалеке, но цепи или ведра попросту не было. В углу двора росли какие-то кусты, густо усыпанные красными ягодами. Только сейчас я понял, насколько проголодался.

Уплетая пригоршнями кислые, терпкие ягоды, я прислушивался. Пение птиц, шум ветра в кронах деревьев, стрекот насекомых. Комары уже начали свое дело, без устали жаля мое тело. Солнце было где-то за кромкой леса. Да, я не ошибся — наступает вечер. Сорвав последнюю пригоршню ягод, я вернулся к дверям храма. За ней царила пустота. Нет, лавочки были расставлены по холлу с поразительным усердием, но их покрывал толстый слой пыли. В углу были скиданы охапки книг.

Шаркая и поднимая небольшие тучки пыли, я прошел к фолиантам. Открыл первый попавшийся под руку. Что было написано неизвестным мне мудрецом? Не знаю. Я просто не могу разобрать ни одного слова. Может, это были таинственные заклинания для властвования миром или рецепты блюд для скучающих домохозяек. Я отложил книгу в сторону. Ответов на вопросы я здесь точно не найду.

В углу находилась небольшая деревянная дверь. Я подошел к ней, дернул за ручку. Она попросту осталась у меня в руках, а сама дверь и не шелохнулась. Не люблю, когда что-либо выходит не так, как я этого хочу. Удара ногой было достаточно, чтобы эта преграда пала передо мной. Пала в буквальном смысле, подняв целую тучу пыли. В носу запершило.

Когда глаза привыкли к полумраку, я увидел широкую полуистлевшую кровать и сундук, оббитый железом. Ринувшись внутрь, я рывком откинул его щеколду и приподнял крышку. Пусто, как у меня на душе. Ни одежды, ни оружия. Толку из него. Кровать была покрыта толстым материалом, который на удивление оказался значительно более стойким, чем дерево. Он с хрустом рвался в моих руках, когда я срывал его с каркаса. Намотав ткань на тело, я закрепил его на поясе узлом и перекинул кусок через плечо. Получилось неплохо, комары стали менее несносными. Ударом ноги я сломал ножку кровати. Конечно, этот кол в качестве оружия не годится, но с ним мне спокойнее.

Я вышел во двор, затем спустился к болотцу. Вода очень сильно подступает к поверхности земли, поэтому у меня имеются шансы. Ударив по земле колышком несколько десятков раз, я увидел скапливающую внутри ямки жидкость. Подождав немного, я опустил внутрь руку. Вода была сравнительно чистой. Напившись, я всмотрелся в ее гладь на свое отражение.

Немолодой, лет уже за 40. Глаза черные. Возникало ощущение, что я смотрю не на свои зрачки, а в колодец. Неприятное ощущение. Шрама было два — один пересекал левый глаз и спускался к уголку рта, а второй темнел на правой скуле.

Лицо назвать красивым я бы не решился, слишком уж оно мрачное. Под шеей, на ключице что-то было, но рассмотреть это не удавалось. Я прикоснулся рукой. Похоже на старое выжженное клеймо. Надежды на то, что вид моей внешности разбудит воспоминания, рассыпались в прах.

Я вернулся в церковный холл, обрывком ветоши смел пыль в угле и присел. Боже, как хорошо... Я оперся спиной в стену, вытянул ноги. Глаза мои смежил сон.

— Эль, ты идиот! — рассерженная девушка стояла под деревом и укоризненно смотрела на меня. Копна ее светлых волос разметалась по спине, образуя вокруг тела светлый ореол. — Ты знаешь, что так неправильно.

— Послушай, успокойся. — я старался говорить, как можно тише. Зачем еще больше нагнетать обстановку подобными скандалами. — Я просто не могу дальше делать вид, что мне все нравится и я доволен безумными приказами. Люций предлагает выход из этой ситуации. Возможно, он прав. И погоди возмущаться, просто подумай о перспективах!

Она склонила голову, стараясь взглянуть мне в глаза. Я всегда боялся ее разочаровать, но сейчас в ее взгляде сквозило даже не этим чувством, а

странной гаммой эмоций. Она смотрела на меня, как на запутавшегося ребенка.

— Перспективах? Мятеж — это твоя перспектива? И что дальше, Эль? Представим, что у вас все получилось. Ты метишь на Его место? Или ты разрушишь его Творение и даруешь Люцию власть? Ты ничего не выиграешь своим неповиновением! Пойми, не нам решать, что делать. Мы обязаны подчиниться его приказу!

Ее глаза заблестели, по щекам побежали слезы. Я сделал шаг на встречу, чтобы обнять ее и успокоить, но она отстранилась.

— Ты теряешь меня своими рассуждениями и планами, Эль! Разве ты не видишь этого?!

Девушка повернулась и побежала прочь. Я ринулся следом за ней, пытаюсь поймать за руку. Нужно успокоить ее, объяснить...

Сон оборвал усилившийся ветер. Он выл под сводами церкви, отражаясь от ее стен. Я прикрыл глаза, пытаюсь вспомнить свой сон. Лана... Почему я не схватил тебя за руку? Или схватил? Не помню...

Меня зовут Эль? Нет, это сокращенное имя. Откуда я это знаю? Чувствую. Также, как и имя Луция. При воспоминании о нем, в душе возникла неприятная ассоциация предательства и лжи. Он предал меня? Или я его? Этот сон был частью моего

прошлого, но он не дал мне ни одного ответа. Увеличилось лишь количество вопросов, терзающих меня. Я знаю только одно — я хочу к ней. Хочу снова увидеть Лану, прикоснуться к ее волосам. Но при этом я знаю и то, что это неправильно. Мы не должны чувствовать эмоции. Я не могу любить ее, невзирая ни на что. Тошно и противно... Плевать мне на чьи-либо приказы.

Я встал на ноги. Тьма скрыла от меня очертания скамей, виднелся лишь слабый свет со стороны разрушенной временем входной двери. Я вышел на улицу, огляделся. Почему время не пощадило мир вокруг меня, но не тронуло тело? Еще один вопрос, который пока останется без ответа. Я присел на корточки, прислушался. Тишина полная, нарушаемая лишь жабами, ветром и стрекотом насекомых. Птицы умолкли. Не нравится мне это место. Утром нужно будет подумать, как отсюда выбираться. Внезапно вдалеке послышались шаги.

Я вскочил. Да, так и есть. Кто-то грузно пробирался через лес, не особо беспокоясь о своей бесшумности. Естественно, места здесь дикие. Никто в своем уме не станет здесь бродить без особой надобности. Медленно, я пошел навстречу звукам. Зачем? Ну не собираюсь же я знакомиться или просить неизвестного о помощи. Посмотрим по ситуации.

Треск ветвей раздавался все ближе, затем послышались сдавленные ругательства. Кто бы это не был, но он споткнулся. Я сжал в руке кол, затем сделал резкий рывок вперед. Я не знаю, что делать, поэтому попросту доверюсь инстинктам и своему телу. Резкое движение, и в моих руках забился чей-то силуэт. Погоди, а он не такой уж и безвинный, как я себе представлял. В руках неизвестного сверкнула сталь, с легкостью разрубившая мое импровизированное оружие. Ладно, поступим по-иному.

Я выбросил руку вперед, пальцы сомкнулись на горле человека. Затем присел на одно колено, увлекая его за собой. Клинок вонзился в землю. Вторая рука в воздухе прочертила полукружье и врезалась неизвестному в висок. Он рухнул. Теперь можно перевести дыхание...

— Сквож, ты где?!

Мужской крик неподалеку прорезал холодный воздух. Похоже, мой противник был не один. Мне плевать, кто они, главное совершенно иное. Они опасны. В моем случае, лучше пока не попадаться на глаза потенциальным противникам.

Медленно я приподнял тело Сквожа, начал снимать с него одежду. Она на мне будет висеть, словно мешок, это точно. После этого я переоделся и подобрал короткий меч. Теперь у меня имеется хоть какой-то шанс выжить. Стоп, но что же делать

с НИМ? Не знаю почему, но я попросту не мог его убить. Я знаю, что это можно было бы легко сделать, а затем спрятать труп в трясине. Более того, мои руки привыкли к подобному ремеслу. Однако, этот человек стал первым, кого я увидел здесь. Кажется, я сентиментален.

Я развернулся, побрел к своему прибежищу. Даже если они решаться последовать за мной, это будет грубой ошибкой с их стороны. В этом случае я уже не буду связан своими эмоциями, а просто доверюсь своему телу. Кажется, мои руки и инстинкты намного мудрее полупустого мозга. Сев на пороге, я начал ждать, прислушиваясь ко всем шорохам в ночи.

Начало светать. Голоса друзей этого неудачника начали удаляться. Через время послышался и стон Сквожа. По всей видимости, он был окончательно дезориентирован, и не мог сообразить, что случилось. Через несколько минут послышалось громкое чавканье трясины и его короткий вскрик. Ну вот, здесь я совершенно не виноват. Не я ведь толкнул его в топь, и не я заставлял сюда идти.

Над болотцем показалось солнце. Теперь я могу спокойно рассмотреть свой ночной улов. На мне были надеты широкие штаны, которые постоянно спадали. Исподнее уже давно было не стирано, и источало весьма неприятные ароматы.

Взирая на то, что я тоже не мылся после моего пробуждения, то можно не обращать на это внимания. Рубаха и жилет были тоже непомерно велики, поэтому я закатил рукава как можно выше. Меч в руке был обыкновенным коротким клинком, который мог выковать любой сельский кузнец. Обычная полоска заостренной стали с одетой на один конец деревянной рукоятью.

Возле входа в дворик внезапно послышался старческий крик.

— Есть кто живой? Путник, ты еще здесь? Я вхожу!

Я метнулся к ограде. У проема стоял старик с седыми волосами. Он был одет в ризу священника, на груди виднелся большой крест. Его вес постоянно клонил голову старика к груди, сгибая его и без того горбатую фигуру. Я ухватил его за плечо, прижал к стене спиной. Другой рукой я поднес к его горлу клинок.

— Ты еще кто такой? Давно за мной следишь? Много вас здесь?

Старик на удивление был спокоен. Он не смотрел на острие меча, а глядел просто в мои глаза. От этого взгляда была дрожь по всему телу.

— Я живу здесь неподалеку, путник. Я видел ночное происшествие, но ты порадовал меня, не взяв жизнь невинного. Успокойся, я не сделаю тебе ничего плохого. Сквоз сам виноват, сколько ему

раз было говорить, не отправляться на ночную охоту.

Я медленно отпустил старика, сделал шаг назад. Что дальше? Он не сдаст меня, поскольку если бы было подобное желание, то он давно бы воплотил его в жизнь. Довериться? Не могу. Посмотрим, что будет дальше.

— Меня зовут Доминик, путник. Как ты здесь оказался?

— Я Эль... — тут я замешкался. Что мне говорить ему? Я не желаю, чтобы он понял, что я ничего не помню о своей жизни. — Пути господни неисповедимы.

Доминик заулыбался. Кажется, ему было приятно, что я верующий человек. Он затряс головой, кивая.

— Да, Эль. Это воистину так. Может, пройдешь со мной?

Он зашагал прочь, постоянно оглядываясь. Я, помедлив, двинулся за ним. Интересно, а рискнул бы я приглашать в дом незнакомого постороннего человека? Может ему просто нечего терять? Старик тем временем остановился перед каким-то цветком, наклонился. В его руках сверкнул нож.

— Смотри, путник! Знаешь, что это?

Я присмотрелся к растению в его руках. Как по мне, то обычный сорняк. Ничего

примечательного. Доминик рассмеялся, правильно истолковав мое выражение лица.

— Это живородец. С его помощью повитухи избавляют родильниц от болей... — старик внимательно взглянул мне в глаза. — А ты как думал, что я делал здесь прошлой ночью? Эти места — настоящий кладезь природных лекарств. Вот, посмотри за своей спиной. Видишь, куст небольшой с синими цветами? Это беляра, она пригодна при отравлении. Вот, агест. Его примочки избавляют рану от скверной крови, организм очищают от гнили.

— Ты здешний лекарь? А как же риза священника?

Доминик с достоинством выпрямился.

— А разве природа не является неиссякаемым даром Всевышнего? Не она ли является нашей колыбелью? Ты не прав, Эль. Молитвы, конечно, могут помочь, но человеку тоже нужно прикладывать усилия, чтобы избавиться от хвори. Вот представь, заболел человек в деревне. До лекаря добираться несколько верст по бездорожью. А священник, напоив его отваром, полностью снимает все последствия заразы. Поверит ли такой больной в Господа? Конечно, ведь именно его именем я и лечу. И мне почет, и душа спасена.

Старец наклонился за следующим цветком. Сорвав его, он вдохнул его едва уловимый

сладковатый аромат. Не знаю почему, но все это мне очень сильно не нравилось. Может из-за нарочито сильной доверчивости Доминика, или потому, что он появился в нужном месте и в нужное время.

— Лекарь, а есть ли растение, возвращающее утерянную память?

Старец пытливо посмотрел мне в глаза.

— Проблемы с воспоминаниями возникли? Здесь травы тебе не помогут. Значит, сделал грех какой-то, настолько ужасный, что тело воспротивилось этому. Не перебивай, если помощи хочешь! — он поднял руку, обрывая мои возражения. — Какой сейчас год? Как называется этот лес? Не знаешь, ведь по глазам вижу. Запомни, Эль, глаза — это зеркало души. Тело может солгать, но именно они всегда отразят правду. Только вера и покаяние способны принести тебе покой. Да еще сны. Порой, они содержат в себе значительно больше смысла, чем все поступки.

Я слушал его. Нет, Доминик не был похож на закоренелого фанатика. Кто он на самом деле? Священник или лекарь? Кто в его душе преобладает? Здесь на этот вопрос я не отвечу. Я знаю лишь то, что ничего не случается просто так. То, что он пришел сюда именно в данное время, не случайно. Знать бы еще, что мне дальше делать.

Старик набрал каких-то цветов в специальный мешочек на поясе, затем повернулся ко мне.

— Ты ничего здесь не забыл? Тогда пошли со мной, нечего здесь куковать. Места здесь дикие. Изредка охотники забредают, да я за лекарствами выхожу. Больше ты не встретишь здесь никого, а кушать то надо.

Мы побрели по малозаметной тропке через лес. По пути Доминик, не умолкая, рассказывал мне о здешней флоре, и ее влиянии на организм. Я слушал его рассказы краем уха, погруженный в свои невеселые мысли. Что мне делать дальше? Мне нужны ответы на вопросы, но самостоятельно я попросту не смогу их найти.

— Ты согласен на мое предложение?

Правитель сидел в тронном зале, и смотрел на стоящего перед ним мужчину. Тот был явно не из рыцарей. Лицо его покрывала толстая щетина. Он недовольно скривился и сплюнул себе под ноги. Сидящий на троне вскинул руку, останавливая стражу, намеревающуюся выбросить наглеца из зала.

— Нет. Хенсельт, то есть, пока твой пацан будет прохлаждаться с бабами, а королевская гвардия — собирать кулак, я должен гнить в болоте?

— Не в болоте, а в лесу. Я хочу отправить тебя в Брейн, а не в Эльстей. Но мне нужно твое искреннее согласие.

— Ты король, — хмыкнул воин. — можешь и приказать.

— Чтобы ты исчез, как только выйдешь за порог? Мне нужна преданность, а не глухое бешенство.

Хенсельт внимательно смотрел на своего собеседника. В былое время, он немедля приказал бы его сгноить живьем. Главарь с таким трудом уничтоженного короной отряда Теней был последним, к кому бы он обратился. Эти наемники были гниющей заразой, которая расползлась почти на полстраны. Единственным их достоинством был нерушимый кодекс чести. Если они соглашались на сделку, то даже за во стократ большие суммы денег не решались на ее нарушение.

— Ну, и что мне за это будет? Свободу ты мне подарил уже давно, в уплату за смерть Фаркуада. Кстати, ты не задумывался, может Атор пронюхал откуда ноги растут, и решил отомстить?

— Брант, давай не будем ворошить прошлое. В отместку я предлагаю тебе землю и замок.

— Ты с ума сошел? Ну и что я в нем буду делать? Править? Да, представляю, Брант Первый, владыка хутора Безымянного. Хенсельт, давай не будем юлить. Мне твоя земля и в подарок не нужна.

А уж предлагать ее за риск собственной шкурой... лучше пропись.

— Тогда чего ты хочешь? Не забывайся, ты отлично знаешь, что при желании я прикажу тебя четвертовать!

— Да ничего ты не можешь. Если бы хотел, дык давно бы сделал. Перед казнью, я ведь обязательно поведаю честному люду интересную историю, как молодой пацан выручал своего папашу и убирал моими руками врагов семейства. Тебе сейчас плевать на всех, главное дать возможность выжить своему недоростку. Кстати, а он вообще в курсе о нашей милой беседе?

— Нет, ему не обязательно это знать. Не качай права, а прямо ответь, чего желаешь.

Брант усмехнулся. Он блефовал, как и король. Важно было понять, на что готов последний, ради жизни своего наследника. Потом уже можно было выдвигать свои требования.

— Возрождения моего ордена.

— Ты ополоумел? Вспомни, сколько населения погибло, когда шла Большая Охота! Мы едва вырезали твою братию. Их ты называешь своим орденом?

— А по-твоему, вы избавились ото всех? Мои люди сейчас процветают. Но постоянная потребность прятаться тоже надоедает. Решай, Хенсельт. Вроде, справедливый договор. Жизнь

твоего заморыша на жизнь моих людей. Думаю, обмен того стоит. Он ведь у тебя один, наследников больше не предвидится.

Правитель поднялся и подошел к Бранту. Он внимательно смотрел в его выцветшие глаза, но воин не отвел взгляда. Хенсельт сдался первым, в который раз проиграв эту Битву Воли.

— Я согласен.

Через довольно продолжительное время показалась и деревня. Обычное село, с любопытными детишками, косящимися жителями и недоверчивой стражей. Благо, вопросов ко мне пока не возникало, видимо старика здесь уважали. Но и расходиться никто не желал, напротив, сзади потянулась толпа любопытных.

— Расслабься, Эль. Никто тебя здесь не тронет. По крайней мере, до тех пор, пока сам не учудишь чего-либо. Вот, кстати и мой дом.

Мы вышли на пригорок. С одной стороны, на удалении, стояла изба кузнеца. Невзирая на ранее время, над ней уже вился дымок, и слышались звонкие удары молота. Перед нами же находился небольшой храм. Колокольня его, похоже, знавала лучшие времена. Однако, вокруг было довольно чисто и ухожено. Небольшой огородик застилала рядки каких-то цветов. Старик покряхтел,

вытаскивая из-за пояса ключ, отпер ворота. Они заскрипели под своим весом и распахнулись.

— Ты живешь здесь?

— Делю с Богом один дом на двоих. — засмеялся Доминик. — А зачем мне тратить свои силы на постройку собственной избы, если практически все свое время я провожу здесь? Народ знает, где меня найти. Пошли за мной.

Мы пересекли церковный холл. На меня смотрели своим странным взором образа святых, расставленные вдоль стен. Впереди стоял большой алтарь. Не нравится он мне. На поверхности камня были искусно выделаны желобки, которые заканчивались подобием чаш. Видимо, ранее здесь приносились жертвы. Сейчас же поверхность алтаря устлала разнообразными растениями. Некоторые из них были сухие, но большая часть собиралась явно недавно. Старик свернул к небольшой каморке, которая была не запертой. Там я увидел большой лежак из свежего сена, камин с выдвигающейся решеткой и грубый стол. На стенах, вдоль всего помещения были приколочены три широкие полки, плотно заставленные различными посудинами из обожженной глины. В углу была аккуратно сложена посуда.

— Ну, стало быть, разводи огонь. Отдохнем маленько, а потом буду я службу править. Хворост на улице сложен.

Старик присел на лежак, взял книгу в руки. Я, помедлив, вышел во двор. У самого крыльца, под небольшим навесом были сложены штабелем дрова. Взяв несколько поленьев, я отнес их к камину, затем высек кресалом искру. Очень скоро языки пламени начали лизать заставленный хворост. Я прикрыл решетку.

— Ты читаешь Библию, Эль?

Я пожал плечами. Что мне отвечать, если я не помню этого. Может да, а может, я впервые вижу эту книгу. Доминик подал мне свой фолиант. Ничего не понятно. Черная вязь букв слаживалась в полную бессмыслицу. Начала болеть голова.

Старик участливо вздохнул.

— Ты не знаешь письма. Ничего, всему в жизни можно научиться. Что ты знаешь о Библии?

— Это священная книга.

— И все? А кто назвал ее священной? Эх, многие в этом мире воспринимают ее лишь как неукоснительный свод правил. Мало кто задумывается, что же она представляет собой на самом деле.

— А что она представляет?

— На этот вопрос может ответить только Господь. — старик улыбнулся. — Может, это летопись мироздания. Может свод канонов, которые необходимо строго соблюдать. А может... — он немного помешкал. — Возможно это

попросту хроники проклятых. Летописи пишут победители, Эль, запомни это. В Бытие сказано, что на заре веков миром правил только один Бог. Но нашлись те, кто бросил ему вызов. Все они были сброшены с небес на землю, в вечное заточение. Но слишком мало об этом сказано, понимаешь. Несколько строк в одной главе о большой войне за пределами нашего мира. Почему так? Победители всегда рассказывают о своих победах часами, получая при этом многочисленных поклонников. А здесь...

Я смотрел на него, не отрывая глаз. Почему он начал этот разговор? Внезапно Доминик поднял глаза на меня, в них блеснула влага.

— Не слушай старика. Одиночество, Эль. Оно сжигает изнутри каждого, рано или поздно. Я слишком долго был один в этих стенах, вот и приходят на ум сомнения. Наверное, это мы прокляты в этом забытом месте. Все может быть, все возможно...

Глава 2

Дни потянулись вереницей. С самого утра я разжигал огонь и варил похлебку из запасов Доминика. Затем он проводил службу, а я помогал расставить нужные книги по залу. Никто мне не задал ни одного вопроса, что честно говоря, очень

радовало. Вечером, мы проводили время вдвоем за беседами и изучением письма. Сны перестали меня посещать, видимо слишком много проблем свалилось на голову.

Старик рассказывал мне притчи из Библии, которые сводились у меня до уровня восприятия сказок. Ну не может существовать неопалимый куст и разумные люди не стали бы поклоняться золотому тельцу. При этих рассказах возникало ощущение, что я что-то упускаю. Очень важное для меня, но скрытое пеленой неведения.

Так было до одного злополучного дня. Мы с Домиником кушали, когда в ворота начали ломиться. Старик встал, открыл их и начал разговор с неизвестным. Я не слышал, о чем они говорили, но вернулся он обеспокоенным.

— Вставай Эль, поможешь мне. Кузнец с семьей заболел, надо бы его проведать.

Мы взяли походный рюкзак с припасенными травами и вышли. Доминик не стал запирать ворота. А зачем, если все друг друга знают? Дорога к кузнецу не заняла слишком много времени, но когда я открыл перед стариком дверь, то остолбенел. Вонь стояла такая, словно бы здесь недавно кто-то умер. Кузнец и его жена лежали рядом под какой-то шкурой, но не отозвались на оклик священника. Доминик вошел внутрь и рывком сдернул с них покрывало.

Люди были живые, но их тела покрывали гнойники и нарывы. Смрад усилился, начало подташнивать.

— Вон отсюда! — гаркнул старик и быстрыми шагами вышел во двор, увлекая меня за собой. — Ну вот, дошел и до нас. Мор, Эль, черная болезнь, как еще его называют. Жаль Стремора, да и жена у него была неплохая. Постоянно раньше помогала мне убираться.

— Неужели мы ничем не можем им помочь?

— Ничем. — отрезал Доминик. — Они уже в том состоянии, когда и сами умрут и полдеревни за собой утащат. Но, немедля после их смерти, придет и твоя очередь. Сам посуди, жили люди себе, никуда не лезли. Затем явился ты, и следом за тобой в деревню вошла зараза. Я-то знаю, что ты не болен, но тебе от этого не легче. Бежать тебе нужно будет, вот только не успеешь...

Бормоча себе под нос, лекарь пошел обратно к храму. Бежать? Куда? Нет, если уж так, то я не могу позволить парочке больных заразить село. Обойдемся без помощи Доминика.

Я аккуратно приоткрыл дверь в кузню. Они лежали обнявшись. О том, что они еще живы, свидетельствовало лишь слабое дыхание. Извините меня, если можете... На один грех в моем списке будет больше. Я приоткрыл задвижку горнила, вынул оттуда головешку и кинул ее прямо под

лежак. Сухое сено начало дымиться, а я бросился к храму. Когда я вошел в него, то Доминик молился, стоя на коленях перед алтарем. Я присоединился к нему, повторяя слова, заученные по ночам. На улице послышался топот ног, человеческие крики. Старик вскочил и распахнул ворота.

Огонь охватил кузницу до самого дымохода. Сельчане начали было тащить воду, но вскоре поняли глупость своей затеи. Было некого спасать, а дом находился вдалеке и пожар не мог перекинуться на другие избушки. Доминик посмотрел мне в глаза, затем повернулся и пошел в каморку. Он лег, закрыл глаза.

— Я...

— Помолчи, а? Ты уже достаточно сказал и сделал. Ложись спать, утром поговорим, если захочешь.

— Святой отец, можно мне исповедоваться?

— А ты этого хочешь? Думаешь, что можно совершать грех, облегчать душу и идти дальше по трупам? Не получится. Не зря я тогда назвал тебя путником, у тебя волчья натура. Может оно и к лучшему в этом мире, не знаю. Но никогда не проси меня отпустить грехи. Каждый сам в ответе за свою душу, и здесь я помочь тебе ничем не смогу.

С этими словами старик демонстративно повернулся ко мне спиной. Почему-то, мне самому

было неприятно. Ну, утро покажет, что будет дальше.

Мужчина стоял, скрестив руки на груди. Его тонкие черты лица искажала ухмылка.

— Эль, ты обдумал мое предложение?

— Я не знаю, как поступить, Луций. Понимаешь, Лана... Кажется я люблю ее.

— Любишь? Ты? — он засмеялся. Тонкий мелодичный смех резал душу, словно стилет. — А что ты вообще понимаешь под словом «Любовь»? Имеешь ли ты право на это чувство, Эль? Для Него ты никто, один из тысяч. Не забывай, что именно я смог отдернуть полог неведения, продемонстрировав тебе глубины человеческих эмоций. Ты думаешь, что она ответит тебе взаимностью?

Я молча слушал его. Он был прав, как обычно. Она не сможет ответить мне тем же, поскольку для нее чувства пока наглухо закрыты. Лана попросту исполняет приказы, а все, что идет вразрез с ними вызывает у нее только страх и панику. Почему я вообще рассказал ей о планах Луция? Нет, она не предаст нас, в этом я уверен

— Ты прав. Я выполню свою часть уговора.

Луций раскинул руки, словно пытался обнять весь мир.

— Отлично! Тогда дело за малым. — в его голосе засквозил смех. — Ты видел Его «Творение»? Это же пустышка, Эль. В нем нет ничего, что было бы достойно уважения. И знаешь, что самое главное? Именно ему доступны в полном объеме эмоции.

Внезапно его голос перешел на крик. Тонкое лицо исказила гримаса ненависти.

— Ты понимаешь, что это значит, Эль?! Оно способно любить, чувствовать боль, радоваться или страдать! То, что было сокрыто от нас доступно ему в полном объеме! Мечтаешь о Лане?! И что дальше с ней ты будешь делать?! Ты способен чувствовать возжеление или страсть?! Для тебя это набор букв, не более. То, что ты называешь любовью, в настоящий момент представляет собой смесь жадности и себялюбия. Ты попросту хочешь обладать ею, словно вещью. Чтобы она всегда находилась возле тебя. Не более. И ты отлично знаешь, кто в этом виновен!

— Луций, пообещай мне... если у нас получится, ты сможешь пробудить во мне и в ней настоящие чувства. Я знаю, у тебя хватит на это сил.

Он открыто улыбнулся. Я знал, что его слово нерушимо.

— Даю слово, Эль. Я выполню твою просьбу. Вот только смотри, чтобы сам об этом не пожалел.

Я открыл глаза. Светало. Доминик сидел на своем лежаке, в который раз перечитывая Библию. Значит пора вставать.

Все домашние дела в виде разжигания камина и готовки завтрака прошли без разговоров. Старик молчал, а я сам не начинал беседу. А что говорить, если у меня нет оправданий? Да и нужны ли они вообще?

В ворота громко постучали. Когда я их открыл, то увидел местного начальника стражи с группой народа. Они кричали, показывая на меня пальцем. Сзади слышались шаркающие шаги, подошел Доминик.

— Святой отец, извиняйте за вопросы, однако, стало быть, вы вчера последний, кто посетил Стремора. Итого, я не в коем случае не хочу вас обвинять, но все указывает именно на вас и этого, гм, молодого человека.

Доминик поднял голову и взглянул на толпу. Он медленно обвел ее взглядом, посмотрел мне в глаза, затем снова обратил свое внимание на стражника.

— Ты хочешь знать, кто виновен в случившемся? Тогда, мальчик. Я отвечу тебе. — его

голос взвился. — Я отвечаю всем вам. Виновник в этом только я. Я виноват в том, что поспешил к нему в дом и смазал нарывы. Если бы не это, ему не стало бы легче, и он не доковылял бы до камина, чтобы подложить хвороста. В таком случае, головешка бы не выпала из него, и не затерялась бы под лежаком, что стало причиной воспламенения. Но прежде, чем судить меня, ответьте только на один вопрос: виновен ли я в том, что потерял всю жизнь, помогая односельчанам бороться с недугами. Если и впрямь, вы считаете меня убийцей, да будет так. Я готов сложить свою голову ради ваших принципов, но я не позволю схоронить вместе со мной человека, который даже не заходил в тот дом.

Он твердо взглянул на меня. Я не понимаю. Сперва он описал, чем закончится болезнь той пары, чем фактически загнал меня в угол. Затем он не разговаривал со мной, а теперь готов отдать свою жизнь ради моей сохранности. Что-то за этим кроется.

Толпа начала отводить глаза, потихоньку расходиться. Стражник, видимо не ожидавший подобного ответа, остолбенело стоял на пороге жилища. Затем он тряхнул головой:

— Спасибо, святой отче, что рассказали о случившемся. Больше вопросов, стало быть, не

имеется. — с этими словами он развернулся и потопал вниз по тропе.

Старец закрыл ворота и молча пошел внутрь дома. Он не сказал мне ничего, да и я сам молчал. Просто не о чем было вести беседы. Все мои вопросы остались глубоко в душе. Я не решился их озвучить в этот момент. Мы вернулись в нашу каморку, Доминик начал готовиться к утренней службе.

— Я...

— Помолчи, Эль. Ты ведь не думал, что я возьму на душу грех еще и за твою смерть? Но это нисколько не уменьшает твоей ответственности за то, что ты сделал. Ты пока ничего не понял? Попытайся попросту забыть о своей алчности, а подумать о будущем этой деревни. Кузнеца у нас нет, сыновей у него не было, поэтому он не смог передать им тонкости сей науки. Погибнет деревня без него, понимаешь? Да еще ты забрал две человеческие жизни, попросту страшась за свою шкуру. Это было совершенно неправильно, не тому нас Господь учил и учит.

Я молчал, слушая священника. Он был абсолютно прав. И мне это совершенно не нравилось.

— Ты сможешь научить меня этому ремеслу? Я бы смог заменить кузнеца. Хоть на время.

— А я похож на кузнеца? Да, такого комплимента я еще не слышал. Если ты действительно желаешь получить об этом знания, тогда придется тебе учиться на собственных ошибках. Все книги ведь сгорели в том пожаре.

Да, это и впрямь глупая идея. Не знаю почему, но мне очень хотелось заполнить пробелы в памяти новыми знаниями. Вот только в настоящий момент это является невыполнимым заданием.

Доминик развернулся и пошел к алтарю. Очень скоро начали приходить люди, жизнь возвращалась к обычному для себя течению. Однако, мысли не давали мне успокоиться. Село действительно обречено. Если не попытаться что-либо изменить, то толку от моих действий будет маловато.

Брант сидел на опушке леса и невесело смотрел на своих подчиненных Мрази по большому счету. Эти люди продадут за копейку мать родную, не говоря уже о короне. Люди стекались со всех сторон, но больше сил уходило не на разведку, а на утихомиривание конфликтов внутри отряда.

Все просто надоело. Хотелось лишь одного — побыстрее выполнить контракт и получить долгожданную свободу своим последователям. Набор свежих рекрутов происходил постоянно. При этом воин руководствовался старым своим

принципом — не забирал никого насильно. Толку из тех, кто так и норовит дезертировать.

Местность для лагеря была подобрана с учетом стратегии Теней. Отряд ничем не выделялся, и мало кто из живущих смог бы отыскать в густых дебрях эту поляну.

Хенсельт поступил умно, тут не поспоришь. Первым же долгом он отослал Ферра подписывать военный договор с Арагоном. Нет, он не ощущал особой неприязни к молодому принцу, но его агрессивность действовала Бранту на нервы. Всегда нужно соблюдать спокойствие, и не действовать сгоряча. Именно этому он всегда учил новобранцев Тени. Будучи откровенным, этот паренек не протянул бы и нескольких минут против обученного соперника. Турниры были и остаются лишь модной забавой для аристократов.

Единственное правило, которое он самолично ввел в отряде — это полная неприкосновенность детей. Многие оставались сиротами, и примыкали к гарнизону, получая бесплатную пищу и кров над головой. За это они отплачивали своей преданностью и выполнением несложных бытовых работ. Однако, слишком многим не нравился такой расклад. Не так давно, несколько насильников пытались утащить девчущку. Сейчас их тела болтались неподалеку, источая смрад. Это стало

истинным уроком для тех, кто рискнул бы пойти тем же путем.

Горели костры, вкусно дымились казаны с похлебкой. Наставники проводили учебные бои с новоприбывшими, стараясь понять их истинное призвание и умение. Как сильно это напоминало старые времена, когда... Брант оборвал себя. Вот сейчас действительно не следует забываться. Это не старый добрый бой, в котором можно было отвести душу, а вернувшись, расслабиться с бабой в таверне. Это была работа, выполнение контракта. Получить желаемое можно было не просто разбив свору Атора, а принеся голову военачальника. С этим нужно было действовать аккуратно.

В старые времена все было бы намного проще. Несколько дней разведки, проникновение в стан врага ночью — и вот уже на утро находят свеженький труп, павший жертвой несчастного случая. Сейчас это было осуществить весьма сложно. Разве что...

Отряд сейчас жил своей жизнью. Не нужно было кого-то поучать или отдавать приказы. Все и так отлично знали, что пришли не на детские игры. Жизнь лениво текла своим чередом. Не нужно было постороннего вмешательства.

Брант встал, подобрал с травы свою сумку. Он привык постоянно таскать с собой основное, что могло бы спасти в непредвиденный момент.

Попробовал вытащить из ножен притороченные кривые мечи. Те послушно выпорхнули, не издавая ни звука. Бросив последний взгляд на свой лагерь, воин растворился в лесной листве.

Служба давно окончилась, но священник не возвращался. Он попросту сидел возле алтаря, уставившись на него невидящим взором. Я не стал нарушать его покой, а тихо прошедши мимо, вышел из храма.

Небо покрывала тонкая вязь облаков. Слева от меня раскинулось пепелище, некогда бывшее домом кузнеца. Не знаю почему, но мне захотелось попросту выпить. Не настолько, чтобы приглушить свои инстинкты, помогающие мне выжить, но попросту чтобы забыть о настоящих проблемах. Я медленно побрел к сельскому трактиру.

В нем было довольно много народа. Несмотря на обеденное время. Все косо смотрели в мою сторону, но при этом не задевали даже словом. Для них я всегда буду врагом, чужаком, осмелившимся ступить на их землю.

Я прошел к стойке, начал ждать трактирщика. Все места были заняты, поэтому сесть просто было нереально. Разговоры затихли, возникла тишина. Двери открылись, вошло еще несколько охранников, видимо почувствовавших неладное. Мужчины за крайним столиком подвинули свои

стулья, один из них жестом пригласил меня сесть. Моя интуиция почти кричала мне уходить.

Я прошел через зал под гробовую тишину, медленно присел. Старший посетитель, сидевший напротив меня, крикнул бармену, чтобы тот принес выпивки.

— Ну и кто же ты такой будешь, незнакомец?

Я пожал плечами.

— Просто путник. Меня Доминик спас, вот я и здесь.

Мужчина ухмыльнулся. На вид ему примерно столько же лет, сколько и мне. На обычного селянина он не был похож — в отличие от местных жильцов он, не таясь, носил стилет на поясе. Одно из двух: или благородных кровей, или обычный мародер. Знакомство с подобным человеком явно не входило в мои планы.

— Значит, старик нашел тебя в нужное время и в нужном месте? И чем ты отплатил ему за свою шкуру? Уж не убийством ли Стремора?

— Может прежде чем выдвигать предположения, для начала представишься?

— А зачем? Я ведь не спрашиваю у тебя твоего имени, правда? Да расслабься, это пока что просто беседа. Куда она повернет дальше, зависит лишь от искренности твоих ответов.

— От искренности моих ответов? Тогда слушай. Я просто человек. — ненависть клокотала в

моей душе. — Я не собираюсь отчитываться ни перед тобой. Ни перед твоей братией. Желаете ответы? Так сперва заслужи их!

Трактирщик подоспел вовремя, принес с собой несколько кружек, заплесневелую бутылку и несколько тарелок с дымящимся мясом. Мужчина, не отрываясь, смотрел на меня. Его спутники напряглись, их руки опустились к поясу.

— Ты знаешь, — внезапно перевел он тему. — все люди делятся на два типа. Существуют волки, которые способны порвать глотки любому, от кого почувствуют угрозу. Есть и лоси, которые предпочитают просто идти по жизни, надеясь на высшую силу. Так к кому же относишься ты? Может проверим?

Он приподнялся со своего места. Моя интуиция уже была на пределе, крича об опасности, и я решил ей довериться. Рука отточенным движением выхватила из-за пояса рядом сидящего человека стилет и пригвоздила руку его напарника к столу.

— Сядь! — гаркнул я. Теперь я уже понимал, что этот человек ничего не имеет общего с деревней. Он такой же пришлый, как и я сам. Однако, его здесь уважали. Или боялись, не пойму. По крайней мере, эту троицу никто не желал задевать, а стража попросту не вмешивалась в их дела. Он медленно присел на краешек табурета.

При этом я обратил внимание на левую руку, которая была сильно обожжена.

— Как я и думал. И что ты дальше собираешься делать? Выйдя из трактира, тебя разорвет стража на куски. Останешься в селе жить дальше, перебив стражников? Тогда тебя попросту сожгут на костре или повесят, смотря какое настроение будет у жителей этой деревни.

Все сверлили меня взглядом. Стало очень неловко. Да, при необходимости я мог сейчас спокойно уйти, заставив стражников меня отпустить. Но тогда мне не видать спокойной жизни, как собственных ушей. Более того, я брошу под пресс человеческой ненависти и Доминика.

— Твои предложения?

— Мы сейчас спокойно кушаем и выходим из трактира. Неподалеку у нас разбит лагерь. Армии Хенсельта нужны такие воины, которые, не задумываясь готовы пролить чужую кровь. Посуди сам, во что ты сейчас одет? Это ведь не твоя одежда, разве я не прав? С нами ты получишь жалование и сможешь стать кузнецом собственной судьбы. Разве тебя устраивает служение богу, которым ты сейчас занимаешься? Пора вспомнить, кто ты на самом деле. Я ведь по глазам вижу ровню, недаром я тебя пригласил за стол.

Я слушал его, и понимал, что иного выхода у меня попросту нет. Если я сейчас откажусь, то до

конца своей жизни буду проживать в одном селе с людьми, меня не понимающими. Я молча склонил голову.

— Ты согласен?

— Да.

Он одним движением вырвал стилет из руки своего подчиненного, бросил нож на стол.

— Тогда перед вами сейчас два выхода. Вы или мирно продолжаете свою трапезу, а сегодняшний инцидент забывается навеки, или прямо сейчас один из вас отправляется на высший суд. Иного шанса у вас не будет.

Я смотрел на своего недавнего противника, который поджимал скрюченную руку. На пол капала его кровь. Ну не было у меня никакого желания отягощать свою душу еще и его смертью. Они что, всерьез думают, что я отправлюсь убивать кого бы то ни было? Я уйду с ними, а затем попросту постараюсь затеряться. У меня нет права на ошибку, и даже сейчас я вижу то, что эти люди совсем не просты. Руку человек напротив меня обжег совершенно недавно. Понимая, что сутки тому назад погиб в пожаре Стремор, можно заключить. Что эта группа тушила здание. Значит они и не такие уж и бесчеловечные, хоть исключить ненависть к поджигателю было невозможно. А в этом прегрешении я уже выдал себя полностью.